

© 2002 г.

А. МАРТИНЕЛЛИ

РЫНКИ, ПРАВИТЕЛЬСТВА И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

(Доклад XV Конгрессу. Часть I*)

*МАРТИНЕЛЛИ Альберто - Президент Международной социологической ассоциации
1998-2002 гг., член редсовета журнала "Социологические исследования".*

1. Тема конгресса

Тема нашего конгресса отражает базовый вопрос социологии, который мы сегодня задаем себе: каким инструментом мы располагаем для описания, интерпретации, объяснения и предсказания социального мира XXI века? Как озабоченные обществоведы мы обязаны обращаться к ключевым социальным вопросам современности, поскольку, говорит З. Бауман, "задать верные вопросы и составляет разницу между судьбой и назначением, дрейфом и путешествием" [1]. Верные вопросы сегодня проистекают из наблюдений на уровне здравого смысла: социальный мир в начале XXI века все больше становится единым, оставаясь расколотым, конфликтным, иерархичным и неравным. Он одновременно и глобальная система и расколотый мир с беспрецедентными возможностями большей справедливости и благосостояния для всех и беспрецедентных угроз ядерной войны и экологической катастрофы.

Глобализация требует фундаментального пересмотра основных концепций социологической традиции. Все мы знаем, что социология развивалась вместе с современным миром и что единица анализа большинства макросоциологических исследований — общество в национальных рамках. Это не удивляет, если учесть ведущую роль национальных государств в формировании и развитии современных обществ, наряду с промышленным производством, рыночной экономикой, сложными организациями и рациональным мышлением. Но фокус на уровне стран сегодня чреват риском сокрытия взаимосвязанности мировой системы.

Глубокие и основательные трансформации, подобные происходящим в век глобализации, питают спрос на новые концепции, новые теории и новые нарративы. В XVII-XVIII вв. наряду с экономическими и политическими революциями произошла научная революция вначале в физических и естественных, затем в социальных науках. Сегодня скорость научных и технических инноваций, размах социальных перемен не соразмерны с развитием новых парадигм и теорий социального мира. Некоторые считают, что причина этого - фрагментация знания. Другие говорят об отсутствии веры в интерпретативную способность обществоведов. В результате социологическое

* Продолжение (ч. II) см. в № 1, 2003 г.

воображение часто создает впечатление отставания и несоответствия потребностям масштабов трансформации. Бек преувеличивает, говоря, что большинство социологов сейчас работают с "концепциями зомби" [2], но истина в том, что надо менять наши взгляды, следуя совету Гаргантюа Рабле: избегать "строительства нового из мертвых камней".

У нас богатое интеллектуальное наследие классиков социологии. Оно не устарело, поскольку мы живем в социальном мире модерна (modernity), мире, который классики помогли интерпретировать и объяснить. Но мы вступили в новую фазу - фазу глобализации и радикального модерна, требующую пересмотра рамок базовых вопросов, обновления концепций, теоретических новаций, свежего социологического воображения. Как с любым видом инноваций, новое в науке - задача нелегкая, поскольку, писал Макиавелли в "Государе" [3]: "Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые"... ему надо преодолевать "недоверчивость людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом". Но это необходимо.

Я изложу аргументы о том, что следует менять в наших социологических взглядах, подчеркнув противоречивый характер социального мира XXI в. как единой системы и расколотого мира, идентифицируя глобальную интеграцию и глобальное управление как ключевые вопросы. Затем я намерен рассмотреть эти вопросы с социологической точки зрения, обсудив роль рынков, правительственных организаций и сообществ как институциональных механизмов социальной интеграции и управления мировой системы. Конкретнее я рассматриваю: 1. Международные рынки и транснациональные корпорации (ТНК) как институты, действующие, в основном, но не исключительно, по принципу обмена; 2. Национальные государства, международные организации и наднациональные единицы как институты, которые действуют в основном, но не исключительно, в соответствии с принципом легитимной власти, и 3. Коллективные движения и эпистемные сообщества как институты, действующие в основном, хотя и не исключительно, по принципу солидарности. В конце я представлю свое понимание демократического глобального управления и проанализирую основные факторы, содействующие или мешающие мирной интеграции и глобальному управлению на уровне мира.

2. Что следует менять в наших социологических взглядах (perspectives)?

Во-первых, социологи в целом изучали свои общества и реже общества иные, но обычно они рассматривали общества, как отдельные единицы, каждое с четкими национальными границами. Их фокус был сосредоточен на получении знания о внутренней динамике общества и структур, его культурного кода, его специфических механизмов интеграции, конфликта и перемен, иногда с некоторыми компаративными взглядами, реже с четким компаративным подходом.

Сегодня глобализация означает не только появление нового объекта исследования - мир как таковой, но требует, чтобы любое конкретное исследование (сравнительное исследование уровней рождаемости, моделей семьи, организации труда на фирме) ставилось в рамки глобального контекста, так как каждая часть мира все больше взаимозависима с многими другими и мир как таковой все более присутствует во всех своих частях. Современный мир весьма похож на голограмму лазерного луча, где каждая точка несет информацию о целом, поскольку каждый человек все более поглощает информацию и ресурсы, поступающие отовсюду. Поэтому необходимо смещать уровень анализа на глобальный и любое исследование вести с точки зрения мировой системы. Изучение мирового общества и его отношений с национальными и локальными реалиями должно стать центральной темой исследования. Чем выше степень взаимосвязи социальных отношений на мировом уровне, тем больше нужна в

анализе связей между глобальной социальной реальностью и множеством локальных социальных реальностей. "Глокальное" становится все более релевантным неологизмом в нашем словаре. На культурном уровне мы должны анализировать множество способов сочетания и столкновения единства и разнообразия мира. На социальном уровне нужно изучать многие проявления взаимодополняемости и антагонизмов социального действия на глобальной арене.

Во-вторых, суверенное национальное государство стало ключевым институтом и базовым элементом структуриации современного общества. Именно в этих рамках удается управлять базовыми нормативными вопросами не насильственной регуляции конфликта, социальной справедливости и индивидуальной свободы. С эрозией суверенности национального государства вследствие глобальной взаимозависимости социальная структура стала менее прочной, чем прежде. Как заметил Аппадураи, следует ставить в центр анализа наряду со структурами потоки - потоки людей, технологий, идей, символов, капитала и т.д. Глобальные потоки быстро растут, а ценности, институты и практики, нужные для их управления, отстают. Проблемы легитимной власти и управление конфликтом, вопрос современной структуриации глобального общества требуют институтов и нормативов наряду с национальными правительствами. Но условия, обеспечивающие демократическую отчетность и социальную сплоченность на национальном уровне, труднее воспроизводить в глобальном контексте. Надо обратить внимание на модели кооперации и конфликта на мировом уровне, на новые формы нормативного порядка для сложного мультикультурного мира, на появление многослойных типов управления через институциональное смешение транснациональных акторов.

В-третьих, давний вопрос социологии, заданный Зиммелем, "как возможно общество?" (то есть, как можно содействовать кооперации, чтобы удовлетворялись основные потребности, гарантировалось социальное воспроизводство и регулировались конфликты) - остается центральным. Но теперь его надо задавать на мировом уровне в дополнение к уровням локальному, региональному, групповому и институциональному. И этот вопрос становится все сложнее, поскольку все больше индивидов все больше прямо привязаны к институтам глобального уровня, у которых нет ни представительности ни подотчетности национальных институтов. А поэтому те самые содействующие более взаимозависимому миру силы стимулируют контрсилы, содействующие расколу и фрагментации. Рассмотрим этот важный социологический вопрос, применяя основные принципы и методы социальной интеграции и социальной регуляции к мировому уровню.

3. Единая система и расколотый мир

Социальный мир в XXI в. - это и единая система и расколотый мир. Глобализация отмечена напряжением между глобальной экономической и технической взаимозависимостью и социальной взаимосвязанностью, с одной стороны, и культурной фрагментацией и политическим расколом, с другой. Мир можно концептуализировать как единую систему. Мировое общество уже существует, но глобальную интеграцию и управление не следует считать данными.

Глобализация - одна из самых заметных черт современного мира. Ее определяли многими взаимодополняющими формулами: "время-пространственное сжатие" [4], "действие на расстоянии" [5], "ускорение взаимозависимости" [6] и "сетевание" [7]. Можно определить ее как набор родственных процессов, взаимно связывающих индивидов, группы, сообщества, государства, рынки, корпорации и международные правительственные и неправительственные организации в комплексную сеть социальных связей. И более того, как рост сетей мировой взаимозависимости.

Огромную литературу о глобализации можно выстроить в концептуальном пространстве по трем осям. А) "Глобализаторы" против "скептиков", где ключевое различие - степень новизны глобализации и ее влияние на национальные государства. Б) "Неолибералы против неомарксистов и радикалов", где ключевые точки - баланс

между позитивными и негативными воздействиями глобализации и ее подлинно глобальный или западный характер гегемонии. В) "однородность против разнородности и гибридизации" с фокусом на культурное измерение глобализации.

Я стараюсь быть подальше от краев, но больше ценю новизну феномена, чем его преемственность с прошлым. Я считаю глобализацию многогранным скорее, чем в основном экономическим процессом, подчеркиваю культурную разнородность и гибридизацию, считаю ее открытым процессом, который, как и при всякой крупной социальной трансформации, ограничивает действия, перераспределяет прибыли и убытки, перекраивает модели неравенства и возможностей. Но ее чистый итог различен для людей в соответствии со структурными ограничениями, индивидуальными решениями и коллективными действиями.

Глобализация - многогранный процесс с далеко идущими последствиями для жизни всех людей, налагающий ограничения и открывающий возможности для индивидуального и коллективного действия. Пространственная организация социальных отношений глубоко трансформирована, поскольку отношения становятся более растяжимыми и интенсивнее взаимосвязанными. Создаются трансконтинентальные и трансрегиональные потоки и сети действий, обменов и властных отношений с серьезными последствиями для процессов принятия решений. Новые образцы иерархии и неравенства, включения и исключения пересекают национальные границы. Возникают новые проблемы социальной интеграции, глобального управления и демократической подотчетности, поскольку суверенная власть национальных государств эрозирует, а их роль в мировой политике меняется.

Глобализация - не просто продолжение процесса интернационализации, но также качественно иной процесс. Она не просто еще одна фаза в длительном цикле открытия и закрытия свободных рынков и протекционистской политики в мировой экономике. Разница в комбинированном эффекте быстрого роста средств связи и информационных технологий (компьютеры, телевидение, телекоммуникации) и в росте силы акторов экономики и финансов. Больше и больше действий - не только производство и распределение товаров и услуг, но и распределение материальных и символических коммуникаций - организуются в мировом масштабе. Жизни индивидов и судьбы сообществ все более зависят от происходящего в удаленных местах.

И национальные и локальные границы ослабляются и переопределяются путем процессов де-территориализации и ре-территориализации. Если интернационализация подразумевает ограниченную и контролируемую эрозию суверенитета, поскольку каждая политическая единица автономно решает, вступать ли в отношения с другими, глобализация подразумевает большую эрозию национальной суверенности и рост взаимосвязи. Раствующая взаимная связанность людей и государств показана рядом индикаторов, стирающихся от числа и типов договоров до международных правительственных институтов, от импорта и экспорта до уровней инвестиций, от размаха электронных коммуникаций до этнического, религиозного и лингвистического состава населения разных стран, от военных союзов до рисков для окружающей среды. Разные тенденции мирового расширения воздействия и взаимосвязей, эрозии и пересмотра границ также содействуют охватывающему весь мир осознанию в среде социальных акторов взаимозависимости их действий и общности судеб.

Глобализация поставила важные вопросы перед социологами и другими обществоведами: размах феномена и степень его новизны; разные процессы, происходящие под этим названием, их разные масштабы и динамика; позитивные или негативные последствия этих процессов для разных стран и социальных групп; идентификация основных акторов и их стратегий. Нужны более компаративные, эмпирически основанные исследования происходящих сегодня множественных глобализаций.

Изучение многих измерений глобализации дает достаточно теоретических и эмпирических элементов для рассмотрения всего мира как единой системы и не только в экономическом смысле. С XVI в. мир можно концептуализировать как единую экономическую систему, но лишь в последние десятилетия большинство людей осознали,

что живут в одном мире, - благодаря глобальным масс-медиа. Осознание этого можно представить несколькими способами. Мы можем рассматривать планету Земля как экосистему; человечество - как находящийся в опасности вид с вытекающими отсюда заботами о жизни последующих поколений; людей на Земле как единое сообщество индивидов, имеющих равные права и ответственности, по отношению к которым должны быть подотчетными те, кто принимает решения; мировой рынок как экономическое пространство, регулируемое международным *lex mercatoria* (торговое право), способное гарантировать не только права инвесторов, но и права рабочих, потребителей и сообществ.

Однако видеть мир единой системой не значит, что мировое общество существует. Общество это де-факто сеть социальных отношений с обоюдными ожиданиями, для которого де-юре нормативный консенсус, отраженный в принятых всеми институтах, может присутствовать в разных стадиях, устанавливаемых эмпирически. Следуя различению Локвудом между "системной интеграцией" и "социальной интеграцией", можно утверждать, что на уровне мира рост экономической взаимозависимости и социальной взаимосвязанности связан со все большими степенями политической фрагментации и культурной разнородности.

Дискуссия о существовании мирового сообщества имеет такой же характер [8]. Создание одного мира, то есть, сознание, что мир становится теснее связанным или интегрированным общими силами и практиками, одно из необходимых условий появления мирового сообщества, но условие недостаточное. Если общество - кооперативное предприятие ради общего блага, должны ли мы ожидать появления общемирового чувства сообщества сейчас, когда это кооперативное предприятие становится общемировым по масштабу? Это чувство можно уточнить в виде четырех базовых типов сознания: антропологическое сознание, признающее наши единство и многообразие, экологическое сознание, признающее нашу единую человеческую природу в нашей биосфере, гражданское сознание наших общих ответственностей и солидарности, и диалогическое сознание, соотношенное и с критическим разумом и с необходимостью взаимопонимания [9]. Сегодня транснациональное гражданское общество, международное публичное пространство, растущее сознание нашей общей судьбы как человеческих существ обретают очертания, но глобальная коммунитарная культура еще далеко не достигнута.

Скептики считают, что ее и нельзя достигнуть, так как какое-либо чувство общей идентичности и солидарности фактически требует наличия тех, с кем человек себя не идентифицирует, - различия между ними и нами. Другие ученые добавляют, что такой исход даже нежелателен. Они полагают, что более реалистичный портрет сегодняшнего мира - это ассоциация сообществ на основе власти закона, но не объединенная в какой-либо глобальный проект, иными словами, - международное общество как практическая ассоциация. Согласно такому подходу, практическая ассоциация автономных единиц не только более реалистичный, но и более желательный выбор, нежели тот, который предлагают глобальные проекты, имеющие тенденцию к доминированию сильного актора.

Неоспоримо, что мы больше не живем в мире дискретных цивилизаций как при Ханьской или Римской империи, и не в Вестфальском порядке международного общества государств. Напротив, мы живем в фундаментально взаимосвязанном глобальном строе, интегрированном сложными моделями обмена, иерархии и сообщества среди множества глобальных акторов, которые все более осознают свою взаимозависимость и общность судьбы. Но это не значит, что нельзя считать гарантированным наличие мирового общества или всемирного сообщества.

Глобальная интеграция и глобальное управление - проблематичные вопросы. Я обращаюсь к ним с социологической точки зрения, обсудив три основных принципа организации (обмен, власть и солидарность) и связанных с этим институциональных акторов (рынки, правительственные организации и сообщества) как механизмы социальной интеграции и управления в мировой системе.

4. Сущностные принципы и институты социальной интеграции и социальной регуляции

Существенные принципы социальной интеграции и социальной регуляции, - способы координации действий, распределения ресурсов, структурирования конфликтов - это власть или иерархический контроль, обмен или координация в форме трансакций, и солидарность или нормативная интеграция. У каждого из этих принципов свои классики - Гоббс и Вебер, Смит и Поланьи, Дюркгейм и Тённис, а также современные концепции общественных наук.

Каждый из этих принципов исторически идентифицируется с разными институтами в соответствии с уровнем анализа и типом рассматриваемой социальной системы. Власть в целом считалась конституирующим принципом государства, других публичных и частных форм управления и бюрократических организаций. Обмен - конституирующий принцип разных типов рынков, а солидарность - конституирующий принцип разных форм сообщества - традиционного типа (семья, клан) или более новых - коллективные движения и др. Есть разные версии этой триады, связанные с исследовательскими проблемами экономической, политической и организационной социологии. Это схемы Поланьи интеграции или способов трансакций в экономике (взаимность, перераспределение и обмен), базовые альтернативы Хиршмана индивидуального или коллективного действия (уход, участие и лояльность), организационная типология поощрений (принуждение, экономические выгоды и поощрения).

Три других типа теоретического вклада также хорошо известны. Это исследования, в центре которых диалектика связи между противоположными принципами социальной интеграции и социальной регуляции и связанными с ними институтами, такими как *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* (общность и общество), статус и контракт, механическая и органическая солидарность, рынки и иерархии. Ряд работ добавляют аналитической сложности к трем основным способам, такие как функциональные сегменты силы культуры, права и экономики Парсонса и базовые переменные Роккана в создании геополитической карты европейской модернизации [10]. Ряд исследований ищут новые принципы, способы объяснения новых институциональных механизмов, такие как ассоциативная модель социального устройства Шреэка и Шмиттера, основанная на внутри- и межорганизационном согласовании.

Идентификация принципов интеграции и регуляции с традиционными институтами, с которыми они были связаны (то есть, власть с национальным государством, обмен с рынком, солидарность и сообществом), - полезное упрощение. Но есть риск упустить ситуации, когда социальное отношение интегрировано или конкретный институт регулируется или иным принципом, нежели тот, с которым его обычно связывают, или смесью принципов, как это часто бывает. Например, государство - организация, имеющая монополию легитимного принуждения и применяющая обязательную власть над людьми и территорией, но в то же время это сообщество граждан, основанное на солидарности и обонности. Рынки не только сфера отношений обмена, но и асимметричных отношений власти. Корпорации можно анализировать и как институты, берущие на себя функции рынка, и как иерархические организации. Семью и клан можно рассматривать как формы сообщества, где действуют отношения и обмена и власти.

С этой оговоркой я вначале рассмотрю роль трех принципов и институциональных механизмов социальной интеграции по отдельности, а затем обсужу их значение в управлении мировой системой, взятой как единица анализа. Рынки, государства, сообщества и конфликтуют - в случае глобальных рынков, разрушающих и суверенитет государства и коммунитарные традиции, и сотрудничают разными способами, обеспечивая механизмы глобального управления.

5.1. Рынки

Рынки - институциональное воплощение принципа обмена. Рыночная система - это система координации людских действий в масштабах всего общества не командами центра, а взаимными действиями в виде транзакций [11]. Рынки - крупные институты интеграции, но они не стихийно сложившиеся устройства. Социальная интеграция также требует институтов легитимной власти, как и сообщества. Не все социальные отношения - отношения обмена, не все действия людей можно анализировать в терминах рационального действия. Рынки - социально построенные единицы, требующие регуляции. Капиталистический рынок, в частности, самая динамичная и инновативная форма рынка, нуждается в "приручении" и обуздании для контроля над его взрывным действием на социальные связи.

Глобализацию нельзя концептуализировать лишь в экономических и финансовых терминах. Но это не отрицает факта, что международные рынки - центральные институты сегодняшнего социального мира. Многие социальные отношения принимают форму транзакций по обмену ресурсами, товаров, услуг и информации, соединяющих все более крупные группы и сокращающие расстояния в пространстве и времени. Реально существует скорее не единый глобальный рынок, а комбинация региональных рынков, таких как североамериканский, европейский, восточно-азиатский и "меркосур" (Южная Америка), плюс фирмы, действующие как сети во всем мире.

Из-за своей важности международные рынки стали объектом интенсивной идеологической борьбы, частью затемнившей их реальные структуры и способы функционирования. В полемике фундаменталистов глобального рынка и антиглобалистов рынок всегда хорош или плох. Но в реальности он может иметь неопределенное действие, и интегрируя и разрушая, в соответствии с институциональным контекстом, в который он встроен, и, в частности, с реальным сочетанием соперничества и регуляции. Протекционистская политика в целом достаточно неэффективна как стратегия роста, но законы государства и регуляции, направленные на установление стандартов труда, земли, качества товаров и услуг - базовые основания любой стратегии устойчивого развития. Тезис Поланьи о неизбежном противоречии саморегулируемого рынка и вытекающего отсюда "двойного движения" либерализации и защиты опровергнут историческим опытом социальной рыночной экономики стран Западной Европы, где все-таки есть договоренность между соперничеством и социальным сплочением. Нерегулируемый рынок часто разрушителен, но закрытый рынок (не говоря уже о его отсутствии) еще хуже.

Международные рынки создают новые образцы иерархии и неравенства, включения и исключения, выходящие за национальные границы и проникающие во все общества и регионы мира. Они грозят существующим формам социального сплочения. Традиционная географическая иерархия - ядро-периферия, - все в большей степени идет рука об руку с социальными этническими неравенствами в крупных городах мира. С другой стороны, международные рынки увеличивают свободу выбора индивидов и групп, открывают новые возможности развития, вносят вклад в интеграцию путем производительной взаимозависимости и распространения стандартов потребления. Факт, что молодежь везде, по-видимому, хочет иметь одни и те же электронные игры или джинсы, может означать пример глобального рыночного империализма. Но некоторые предметы потребления, включая и образовательные, медицинские услуги, а также модные игры и одежду, отличающие мировую молодежную культуру, могут считаться "гражданским потреблением" в смысле содействия представлениям о праве на равный доступ людей из разных стран к желаемым товарам. Более того, угроза гомогенизации и лишения власти, проистекающая от глобального рынка, руководимого и контролируемого американским бизнесом, преувеличена. Потребители сохранили гораздо больше возможностей личного творчества и автономии, чем часто утверждают. Влияние зарубежных товаров, символов и значений в целом скорее обогащает, чем сужает, местный культурный репертуар, расширяя возможности выра-

жения аборигенных стилей жизни. Потребление тех же типов товаров дает чувство равных возможностей. А их переинтерпретация в терминах местных культур содействует чувству автономной идентичности.

И блага и беды международных рынков, как и всех типов рынка, в большой мере зависят от формы и степени регуляции. Я разделяю мнение Амартия Сен [12], что рынки - механизмы социальной интеракции, с помощью которых люди могут добиваться взаимной выгоды, действуя в подходящем правовом и культурном контексте. Роль рынков не зависит лишь от того, что они могут делать, но и от того, что им делать разрешено. Мощные группы интересов пытаются получить монопольный контроль, поскольку, как говорил Адам Смит, интерес бизнесмена - всегда расширение его рынка и сдерживание конкуренции. Законы и публичная политика поэтому необходимы для избежания асимметричных выгод сильного и блокировки информации, но более всего для содействия общедоступности возможностей, что дают рынки. Де Сото считает [13], что успех капитализма на Западе можно отнести к его связи между рынками и законами, то есть к развитию культуры институтов, установившей нормы соблюдения прав собственности, производства и распределения богатства.

Вопрос в том, возможна ли связь между рынками и законами на мировом уровне. Гармонизация законов, то есть принятие национальных законов, приводящих в соответствие локальные и национальные практики с международными соглашениями; неформальное развитие корпуса транснационального гражданского и коммерческого права, при котором судьи в одной стране могут основывать свои решения на прецедентах и правовых практиках других стран; рост международных режимов и глобальных неформальных политических сетей; свободно подписанные пакты подобные Глобальному Компакту - все это способы регулирования рынка. Но степень политической фрагментации и сегментации рынка такова, что поведение глобальных корпораций акторов часто не контролируемо.

Формирование тенденций глобального рынка развивает потенциал, с самого начала присутствовавший в капитализме как мировой системе. Но на прежних стадиях капитализм развивался в основном в контексте национальных экономик и обществ. Суверенные государства подчиняли, регулировали внутреннюю жизненную силу и бурный рост капитализма путем регулятивной и распределительной политики. Но в разных капитализмах Западной Европы, Северной Америки и Японии смеси этой политики различались. В США законы в основном нацелены на сохранение конкуренции через антitrustовское законодательство и обеспечение прав инвесторов и потребителей. В странах Евросоюза реформистская политика результат включения рабочего класса в демократический политический строй и государство благоденствия. Иными словами, в Европе рабочие партии "обменяли" свою лояльность демократическим институтам на получение политического гражданства (право голоса) и социального гражданства (социальная защита). В Японии "патронажный капитализм" - смесь ответственного руководства и лояльности служащих на уровне фирм, сдерживающая негативные проявления капиталистических отношений.

В сегодняшнем глобальном обществе эти процессы трудно повторить, так как нет эквивалента национального государства на уровне мира, чтобы проводить анти-трестовские, рабочие и экономические законы или фискальную политику, подобную налогу Тобина на финансовые трансакции и регулировать капиталистические отношения. Нет и эквивалента демократии на мировом уровне, чтобы лишенные привилегий социальные группы могли использовать право голоса, заставляя прислушаться к себе, вызывать соперничество политических лидеров на их поддержку.

5.2 Транснациональные и многонациональные корпорации и международные финансовые институты

Мировой рынок сегодня - это лишь становящийся глобальный рынок. Реально он - комбинация региональных рынков с довольно большим числом ТНК и МНК с их

"внутренними рынками". Эти корпорации можно оценивать как институциональные примеры принципа обмена, поскольку они действуют как всемирные сети.

ТНК и МНК реализовали на мировом уровне модель корпоративного контроля, анализирувавшуюся историками и социологами [14]. Крупные корпорации действуют как "видимая рука", интегрирующая экономическую жизнь путем интернализации большого числа экономических действий более эффективно, чем это делают рынки, благодаря процессам координации, стандартизации и рутинизации. В терминах нашей типологии, однако, ТНК и МНК также иерархические организации, действующие по властному принципу. Как таковые, они организуют экономическое пространство в соответствии с международным разделением труда и распределением власти, ограничивают конкуренцию барьерами для новичков, контролем за инновациями, продвигают свои стили жизни и модели потребления.

ТНК и МНК - фирмы, организовавшие глобальные сети производства и распределения, в целом явно сохранив национальные основы. Им способствовал рост транснациональных рынков капитала и глобальная паутина информационно-коммуникационных технологий. Их число - десятки тысяч, с филиалами - сотни тысяч. На них приходится примерно 70% мировой торговли и до 30% мирового производства. Сто самых крупных из них имеют около шести миллионов работников по всему миру, осуществляют 30% всех мировых продаж транснациональных и мультинациональных фирм, контролируют около 20% глобальных вкладов за рубежом, доминируют в таких отраслях как газ, нефть, автомобили, электроника, телекоммуникации, химия и фармацевтика [15]. Значительная часть официально заявленного экспорта и импорта страны фактически может состоять из трансграничных перемещений компонентов, полуфабрикатов, связанных с производством, услугами и другими обменами между ответвлениями иностранных и местных ТНК. Хотя подавляющее большинство из них имеют национальную базу [16], их интерес - глобальная прибыль. Они выросли из местных или национальных фирм, превратившись в глобальную проблему благодаря умелому использованию прямых иностранных инвестиций и технологическим прорывам в материальной и символической коммуникации ради использования конкурентных преимуществ в масштабе мира.

Глобальные производственные и распределительные сети никак не ограничены крупными ТНК, включая мелкие и средние фирмы благодаря возможностям глобальных коммуникаций на финансовых рынках и в мировой торговле. Но у первых очевидно конкурентное преимущество: они не просто действуют в сетях, они сами сети.

ТНК действуют по правилам конкуренции и законам тех стран, где работают. Их отношение к рыночной конкуренции неоднозначно. С одной стороны, они дают на местные правительства и международные организации, типа ВТО и МВФ, с целью устранения барьеров на пути их товаров и услуг, свободной циркуляции капитала. С другой, они продолжают использовать преимущества фрагментации рынков - рынков труда (можно платить низкие зарплаты там, где рабочие плохо организованы) и природных ресурсов (можно не тратить на охрану окружающей среды там, где нет экологической политики).

Влияние ТНК и МНК на экономику и общества стран, куда они инвестируют, неоднозначно. С одной стороны, ТНК внедряют передовые технологии, модели организации и корпоративные стратегии, платят работникам в среднем на 10% выше, чем местные фирмы. С другой, они используют фрагментацию рынков труда и природных ресурсов, а их технологии, стратегии и структуры могут не подходить к запросам местных экономики и общества, особенно в менее развитых странах. Активисты антиглобализма считают, что все ТНК ведут себя одинаково и равно виновны в зле, связанном с глобализацией. В реальности можно идентифицировать различия в корпоративных поведении и установках отдельных ТНК и принимающих стран. Некоторые ТНК относятся к людским и природным ресурсам принимающих стран как варяги. Другие пытаются развивать более стабильные и равные отношения - что вероятнее, когда им противостоят эффективные правительства, активные профсою-

зы и политические движения. Некоторые считают легитимной базой лишь своих акционеров, отвергая любой иной вид регуляции. Другие готовы признать ответственность по отношению ко многим - помимо своих держателей акций и инвесторов, - то есть рабочие, потребители, поставщики и субподрядчики, местные сообщества, национальные правительства, природоохранные ассоциации и т.д. В этом случае разрабатываются инструменты саморегулирования, например кодексы поведения, социальные и экономические доклады, подвергаемые оценочным процедурам органами всемирного масштаба. Но, несмотря на разное поведение, большинство ТНК пользуются властью без ответственности, так как по большому числу решений они подотчетны лишь акционерам, а не всем затронутым ими людям и группам.

Рынки и институты, воплощающие принцип обмена, например ТНК, создают системную интеграцию глобального уровня, увеличивают взаимосвязанность и взаимозависимость. Но это - не складывающийся сам собою строй. Он не гарантирует какую-либо форму глобального управления, не говоря уже о демократически подотчетном. Чтобы совладать с этой проблемой, обратимся к другим институтам, основанным на легитимной власти и солидарности.

6.1. Национальные государства

Интеграция социальных систем также зависит от институтов, основанных на принципе власти. Институт, воплотивший политическую власть в современном обществе - национальное государство, то есть безличная, суверенная политическая единица с высшей юрисдикцией над ясно обозначенными территорией и населением, претендующая на монополию принуждения силой, пользующаяся легитимностью в результате поддержки граждан. Как и другие сложные интегративные институты, национальное государство не основано лишь на одном принципе, поскольку является и организацией и сообществом (реальным и воображаемым одновременно). Оно развивалось путем роста гражданской бюрократии, армии и дипломатии, формирования нации как воображаемого сообщества [17], вытекавшей из действий национальных элит в процессе модернизации [18] и способной ссылаться на доисторические этно-символические корни.

Интеграция мировой системы в XX в. - результат социальной интеграции на уровне национальных государств (включая колонии, если они были), вереницы двусторонних и многосторонних договоров, растущей сети межправительственных организаций. Так называемый "Вестфальский порядок", начавшийся с мирного договора, покончившего с тридцатилетней войной, и получивший полное выражение после наполеоновских войн, строился на принципах: формальное равенство суверенных территориальных государств, не признающих власти над собой, невмешательство во внутренние дела других признанных государств, согласие как основа международных правовых обязательств, установление минимума правил сосуществования [19]. В Вестфальском порядке есть ряд важных различий между сферами внутренней и внешней. Демократия внутри национальных государств и недемократические отношения между государствами; упрочение подотчетности и демократической легитимности в рамках границ государства и преследование национальных интересов (и максимизация политической выгоды) вне границ; демократия и права граждан для тех, кто считается "своими", и часто отрицание этих прав для чужих [20].

В современной глобальной политике эти базовые различия все больше размываются. Сегодня международное общество государств становится взаимосвязанным и глобальным, где люди, товары, услуги, знание, новости, образы, верования, оружие, преступность, наркотики и загрязнение среды быстро движутся через границы.

Глобализация стремится размывать базу суверенитета и автономии национальных государств. Ирония в том, что XX в. был веком распространения национальных государств как базовой формы политической организации. Сверхглобалисты разных ориентаций - от Олброу [21], подчеркивающего сужение выбора национальных госу-

дарств, вынужденных применять неолиберальную экономическую политику, чтобы конкурировать на мировых рынках, до Стренджа [22], сетующего, что безликие мировые рынки сильнее государств, - преувеличивали уход национального государства и заслужили критику за приравнивание друг к другу государств с разными уровнями силы и влияния. Но эрозия, утрата автономии и суверенитета государств реальны. Они навязываются глобальной взаимосвязанностью, частично уступая суверенитет наднациональным институтам типа Евросоюза. Процесс этот не для всех одинаков. Государства очень различны в экономической, политической, военной и культурной силе. Но как показала атака террористов 11 сентября 2001 г. на США, даже самое мощное государство мира неспособно исполнять фундаментальную задачу суверенного государства - контроль своих границ. Да и как это возможно? За год в страну прибывают 475 миллионов людей, 125 миллионов средств передвижения, 21 миллион поставок по импорту через 3700 терминалов в 301 порту. Нужно пять часов для осмотра полностью загруженного сорокафутового контейнера, а их в год поступает более пяти миллионов. Кроме того, в последние годы более 2,7 миллионов иммигрантов без документов просто пересекают границы с Мексикой и Канадой. Террористу легко сюда проникнуть, а провезти несколько фунтов смертельного биологического или химического вещества легче, чем контрабандой везти тонны героина или кокаина. У таможи, службы иммиграции и натурализации единственный путь совладания с этими потоками - выйти за пределы национальных границ, вести разведку вместе с органами правопорядка других стран, полагаться на частные корпорации для развития прозрачных систем отслеживания международных коммерческих потоков, чтобы сотрудники служб охраны правопорядка могли проводить виртуальные инспекции поставок до их прибытия. Таможенники работают по всей Латинской Америке, чтобы помочь бизнесу выполнять программы безопасности, снижать риск использования наркоторговцами. Разрабатываются механизмы сотрудничества для реализации торговых потоков. Суверенное государство адаптируется, трансформируются значение и исключительность юрисдикции правительства. "Правовые границы не меняются, но на практике они размываются" [23].

Среди многих примеров эрозии суверенитета можно напомнить: ограничения, установленные международными финансовыми институтами для экономической политики национальных правительств; влияние стратегий ТНК на рабочих, предпринимателей стран, где они действуют; проницаемость национальных границ для нелегальных иммигрантов; трудности для авторитарных режимов в плане фильтрации или полного запрета на образы и информацию о "мировой деревне"; проблемы сосуществования разных культур во все более мультиэтничных обществах.

Эрозия национального суверенитета и власти - часть картины. Ее размах преувеличивают сверхглобализаторы, говорящие об уходе национального государства. Другой стороной картины является восстановление государственной власти в развитых и в большинстве развивающихся стран. Фактически многогранное воздействие глобализации глубоко трансформирует национальные государства, их функции и властные полномочия меняются и встраиваются по-новому в комплекс национальных, региональных и локальных сетей. Глобальные потоки стимулируют целый ряд стратегий приспособления путем проведения мероприятий, требующих весьма активного государства - не минимальное государство неолибералов, а "развивающее" или "каталитическое" государство. Примером может быть соперничество национальных правительств в промышленной политике, нацеленной на создание наиболее благоприятных условий для иностранных инвестиций - благоприятные законы о корпорациях, налоговая политика, хорошая инфраструктура, гибкая политика в сфере труда, эффективная публичная администрация и др. В то же время поддерживается контроль над основными направлениями развития. Государство не уходит, а скорее восстанавливается и реструктурируется. Суверенитет становится менее территориально проведенным барьером, чем ресурсом политики со сложными транснациональными сетями конкурирующих страновых и региональных систем. Национальный суверенитет все

больше сталкивается с вызовом транснациональных сил, но национальные государства останутся ключевыми акторами глобального управления еще достаточно долго.

Преувеличение силы государства затемняет два вопроса, весьма важных для глобального управления и вопроса силы и власти. Первый относится к тому, что политика регулирования и контроля процессов рынка в большей части может осуществляться лишь на национальном уровне. Роль правоохранительной системы в пресечении нелегального рыночного поведения и роль политики в снижении неравенства возможностей и контроле над нежелательным исходом процессов на рынках, - как и нормы обеспечения безработных в ряде передовых стран - эффективны лишь на уровне государства, максимум на наднациональном уровне ЕС. В этом плане национальное государство все еще очень важно, хотя роль его меняется.

Второй вопрос касается гегемонии США в нынешней мировой системе. Следует учитывать отношения доминирования и кооперации между главной сверхдержавой, региональными державами и периферийными государствами (многие с неокOLONиальными связями) в любом обсуждении мировой интеграции, глобального порядка и управления. После краха СССР США - единственная сверхдержава с военной и экономической мощью, необходимо гарантирующей мировое управление. Но здесь нет легитимной власти. Отсюда провокативное предложение Омахе (2001), одного из гиперглобалистов, - дать всем гражданам мира право участия в выборах президента США. Соединенные Штаты могут обладать силой для лидерства, хотя последние неудачи в борьбе с глобальным терроризмом вызывают сомнения на этот счет. Но их лидерство едва ли покажется легитимным и подотчетным тем, кто живет вне державы-гегемона и ее союзников. Глобальное управление может быть только многослойным, чтобы быть эффективным. И только демократичным, чтобы быть принятым.

Перевод Н.В. РОМАНОВСКОГО

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bauman Z.* Globalization: the Human Consequences. Cambridge. 1998.
2. *Beck U.* Was ist Globalisierung? Frankfurt. 1997.
3. *Н. Макиавелли.* Государь. М.-Харьков. 1998ю с. 63.
4. *Harvey D.* The Condition of Post-Modernity; an Inquiry into the Origins of Cultural Change. L. 1989.
5. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge. 1990.
6. *Ohmae K.* The Borderless World. L. 1990.
7. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. 3 vols. Oxford. 1996-8.
8. *Brown C.* International Political Theory and the Idea of World Community / *Booth K., Smith C.* Eds. International Relations Theory. Cambridge, 1995.
9. *Morin S.* Les sept savoirs necessaires a l'education du future. P. UNESCO. 1999.
10. *Rokkan S.* Dimension of State Formation and Nation Building: A Possible Paradigm on Variations within Europe / *Tilly C.* Ed. The Formation of Nation States in Western Europe. Princeton. 1975.
11. *Lindblom C.* The Market System. New Haven. 2001.
12. *Sen A.* Development is Freedom. 2000.
13. *DeSoto H.* The Mystery of Capital. 2001.
14. *Chandler H.* The Visible Hand. The Managerial Revolution in America. Cambridge, Mass. 1977.
15. UNCTAD. World Reports. Various years.
16. *Martinelli A.* Multinational Corporations, National Economic Policies and Labor Unions / *Lindberg L., Alford R., Crouch C., Offe C.* Eds. Stress and Contradiction in Modern Capitalism. Lexington Books. 1979.
17. *Anderson B.* Imagined Communities. L. 1991.
18. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford. 1983.
19. *Cusack A.* International Law in a Divided World. L. 1986.
20. *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* Global Transformations. Cambridge. 1999.
21. *Albrow M.* The Global Age. Cambridge, 1996.
22. *Strange S.* The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge. 1996.
23. *Nye J.S. jr.* The Paradox of American Power. Oxford. 2002.
24. *Ohmae K.* The End of the Nation State. NY. 1995.